

5.11.3. Практическая теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-2-87-97

А. Т. Сибгатуллина

Институт востоковедения РАН, г. Москва

В ГОСТЯХ У СУЛТАНА: СТАМБУЛ КАК ЧАСТЬ ПАЛОМНИЧЕСКОГО МАРШРУТА ИЗ РОССИИ

СИБГАТУЛЛИНА Альфина Тагировна —

д-р фил. наук, вед. науч. сотр.

Институт востоковедения РАН (107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12)

E-mail: alfina2003@yandex.ru

Аннотация: Во второй пол. XIX — нач. XX в. по пути в Мекку и Медину многие российские паломники на месяц-другой останавливались в столице халифата — Стамбуле, ставшем, по сути, частью паломнического маршрута. Здесь можно было посетить могилы сподвижников Пророка, увидеть священные реликвии ислама, помолиться в мечети вместе с халифом всех мусульман, приобщиться к религиозным традициям Османской империи. К тому же паломники могли принять участие в проходах султанского каравана *сурра-и хумаюн*, а некоторым даже удавалось отправиться в его составе в хаджж. Одним из таких счастливиц оказался татарский имам Нурғали ибн Хасан (1852–1919), который погостил в султанском дворце и совершил путешествие в Хиджаз в составе султанского каравана.

Ключевые слова: Османская империя, Стамбул, паломничество из России, султан-халиф, *сурра-и хумаюн*.

Для цитирования: Сибгатуллина А. Т. В гостях у султана: Стамбул как часть паломнического маршрута из России // Ислам в современном мире. 2024; 2: 87–97

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-2-87-97

Статья поступила в редакцию: 15.11.2023

Статья принята к публикации: 04.04.2024

Введение

Османская империя всегда проявляла уважение к священным для мусульман городам Мекке, Медине и Кудусу/Иерусалиму. С 923/1517 года, когда халифат и управление Хиджазом перешли к османским султанам, владение Святыми землями превратилось в важнейший фактор их государственной политики. Султан стал покровительствовать паломничеству не только потому, что этого ожидали от него как от правителя мусульманских святынь и халифа всех мусульман, но и в сугубо мирских и стратегических целях: обеспечить включение арабоязычных мусульман в империю в частности и завоевать симпатию мусульманского мира в целом. Это покровительство укрепило внутреннюю структуру империи, способствовало упрочению связей между мусульманскими общинами и поддерживало имперскую власть.

До первой половины XX в. хаджж представлял собой довольно тяжелое испытание для мусульманских паломников. Поэтому Стамбул, как одна из остановок на пути в Хиджаз, давал возможность для физического восстановления путешественников после долгого и трудного пути, заряжал их вдохновением, наполнял ожиданием предстоящего посещения святынь. Приветствуя прибытие паломников из таких регионов, как Центральная Азия и европейская часть России, Османская империя старалась обеспечить безопасность и хорошие условия пребывания их в Стамбуле. Паломники, прибывавшие из отдаленных мест, могли получить здесь помощь в виде временного жилья, питания и других основных житейских благ. Османские власти и духовные лидеры предоставляли поддержку паломникам на различных этапах их пути, советовали им останавливаться в близких к мечетям и суфийским обителям районах Стамбула, что обеспечивало не только безопасность, но и доступ к местам поклонения, а также позволяло паломникам сэкономить на расходах, связанных с проживанием.

Паломники, прибывавшие в Стамбул, находили здесь также уникальную возможность познакомиться с достижениями османской цивилизации. Город хранил следы великой истории, привлекал внимание своим архитектурным обликом и культурным многообразием. Перед путешественниками открывались величественные дворцы, соборные мечети и суфийские обители в виде *текке*, *завие*, *даргяхи*. Посещая их, паломники имели возможность погрузиться в духовную атмосферу столицы, прочувствовать общность мусульманской веры и проникнуться чувством единения и солидарности¹. При этом они

---

¹ О зийаратах российских мусульман в Стамбуле более детально см.: Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 66–75.

больше всего обращали внимание на три главных аспекта религиозной жизни Стамбула: поклонение, образование и знакомство с традициями.

Прежде всего они не могли не отметить, что Стамбул является одним из центров, где сосредоточены наиболее богатые и величественные образцы мусульманской архитектуры. Мечети составляли ядро квартала, где регулировались гражданские, судебные и муниципальные вопросы. Они не ограничивались одним зданием; это был целый комплекс/куллия, куда, помимо мечети, входили медресе, столовая, баня, школа, муваккитхане (место для определения времени молитвы), усыпальница основателя мечети, а также кладбище, где покоились его родные и близкие. Паломники первым делом посещали собор Святой Софии как символ исламизации города, комплексы Эйюп Султана и Фатиха. Эти и другие куллии в столице Османской империи также служили местами встреч с правителем.

Коллективный намаз с султан-халифом: *джума салямлык*

Мусульманские гости столицы любили совершать ежедневные намазы, меняя одну за другой мечети города, однако пятничный намаз они старались совершать исключительно в тех мечетях, где происходил традиционный ритуал под названием «пятничное приветствие» (*джума салямлык*) и «пятничное шествие» (*джума алайы*). Начиная с завоевания Стамбула и заканчивая упразднением халифата в 1924 году, османские султаны за редким исключением регулярно совершали пятничный намаз в общественной мечети, что стало символом государства и султаната, имеющих религиозные, политические и официальные характеристики. Султан, посещая открытую для всех (*мусалла*) одну из основных мечетей города с целью совершения пятничного намаза, давал народу возможность каждую неделю встречаться с высшими представителями государства и высказывать свои пожелания и требования напрямую. В той мечети, где молился султан, пятничная проповедь читалась от его имени. Совершая вместе с подданными коллективный намаз, султан-халиф демонстрировал свою близость к ним, в определенном смысле принимал от них жалобы и просьбы, старался ответить на них. Многие из российских паломников в своих дневниках и путевых записках под названием *хаджнаме* упоминали *джума салямлык*, передавая свои позитивные чувства от возможности видеть халифа в атмосфере единения с народом во время молитвы. Пятничные встречи с народом приобрели высокую духовную и социальную значимость, особенно во время правления

Абдулхамида II (1876–1909), который подобными церемониями стремился продемонстрировать мощь халифата и подчеркивать его возросшее влияние на исламский мир. Жители и гости города, видя войско, стоящее на страже каждую пятницу во время намаза правителя, понимали, что «этот военный парад устраивается не ради султана, а для защиты страны и религии ислам».

Подобные церемониалы султанского дворца, увиденные одним татарским религиозным деятелем, красочно описываются в недавно обнаруженной исследователями книге, которая привлекает насыщенностью повествования, детальным воспроизведением фактов, а также тем, что прекрасно иллюстрирует проявление внимания султана-халифа к мусульманам, прибывшим в Стамбул из отдаленных уголков мира. Имам Буинской мечети и мударрис местного медресе «Нурия» Нургали ибн Хасан (1852–1919)¹ на первый взгляд мало чем отличался от других представителей татарской знати начала XX века. Тем не менее судьба преподнесла ему нечто исключительное: он удостоился чести почти два месяца гостить во дворце султана, лично встречаться с Абдулхамидом II и даже заслужить наивысшую награду Османской империи. Такого отношения со стороны султана к своей персоне добился из татар разве что муфтий Мухаммедъяр Султанов (1837–1915), в 1893 году совершивший хаджж через Стамбул. Путевые записки Нургали ибн Хасана², где он подробно описывает свое пребывание в Стамбуле, Бурсе и Хиджазе, датированы 1906 годом. Как и многие другие путники из Поволжья, Нургали ибн Хасан в Стамбул прибыл на российском пароходе по Черному морю, остановился в гостинице крымских татар, повстречался с земляками, посетил могилу сахаба Абу Аюба аль-Ансари³, молился и слушал проповеди в главных мечетях столицы, участвовал в беседах и на занятиях видных ученых и шейхов, ходил по музеям, библиотекам и учебным заведениям города. 1 сентября 1906 года он стал свидетелем *джулус*-процессии, организованной в честь годовщины восшествия султана Абдулхамида II на престол. Затем он провел некоторое время на водах, принимая лечение в термальных источниках Бурсы. Когда Нургали-хазрат вернулся в Стамбул, он имел встречи с такими высокопоставленными

¹ См. о нем: *Амишов Р. И.* Мусульманский богослов Нургали Хасанов: биография. Казань: Изд-во ПФ «ГАРТ», 2022.

² Его путевые записки вышли на арабском языке: Нургали ибн аш-шейх Хасан аль-Казани. аль-Гаватиф аль-Хамидийа фи ас-сайахат ан-Нурийа. Казан: Матбага-и Каримия, 1907, 85 с. Перевод книги на турецкий язык осуществлен Омером Хаканом Озалпом: *Nurali bin Hasan. Sultan Abdülhamid'in Sarayında Bir Tatar Müderrisin İstanbul Bursa ve Surre Alayı ile Hac Hatıraları* (1906–1907). *Arapçadan Tercüme: Ömer Hakan Özalp.* İstanbul: İşaret Yayınları, 2021.

³ Абу Айуб Халид ибн Зайд ибн Кулайб аль-Ансари — сподвижник, принявший пророка Мухаммада в своем доме после его переселения в Медину. В более чем 90-летнем возрасте принял участие в первой осаде Константинополя мусульманами, однако во время блокады заболел и в 674 году умер. Могила находится в усыпальнице мечети Айубсултан.

чиновниками Османской империи, как министр просвещения Мустафа Хашим-паша, шейх-ул-ислам Мехмед Джамаладдин-эфенди и великий визирь Авлонйалы Ферди-паша. Интересной оказалась беседа, произошедшая с садразамом, который спрашивал Нургали-хазрата о том, отчего он так хорошо знает турецкий, арабский и персидский языки. Тот ответил, что тюркский является его родным языком, хотя татарский достаточно отличается от турецкого, и это иногда вызывает трудности в понимании, арабский язык он освоил в процессе изучения религиозных дисциплин, а персидский язык учил в Бухаре, где прожил около десяти лет. Великий визирь проявил интерес к деятельности Нургали на родине, количеству учащихся в его медресе и религиозной обстановке в городах Булгар, Казань и Бухара. Далее визирь пригласил его к себе на ифтар. По завершении беседы Нургали-хазрат вручил великому визирю письменное заявление о своем намерении принять участие в официальной церемонии *джума салямлык* в мечети Хамидия. С момента получения положительного ответа от садразама на эту просьбу татарский мулла ощутил большое внимание к своей персоне со стороны служителей дворца: на второй день месяца рамадан его привезли во дворец Йылдыз и сообщили о нем султану; в ту же пятницу в составе процессии салямлык он находился в мечети Хамидия для совершения с халифом коллективного намаза. Далее приводим описание самого автора записок: «Особое войско в униформе и разной одежде стояло наготове. Арабские воины в зеленой чалме и белом одеянии окружили ту часть мечети, где халиф совершал намаз. Халиф мог видеть джамаат и имама, однако те не могли видеть его. Остальные воины окружили мечеть снаружи. До приезда халифа фаэтоны, внутри которых находились члены его семьи, остановились во дворе мечети, их окружали и охраняли рабы из Судана. Старшие сыновья халифа вошли в отделение мечети напротив его палаты. Младшие сыновья, выйдя из фаэтонов, ждали халифа. Они были наряжены в праздничную одежду и выстроены в круг. Высокопоставленные чиновники и бюрократы в нарядных официальных одеяниях с наградами заняли свои места во дворе мечети. Государственные служащие, губернатор и мэр города со своей свитой выстроились в ряд у дверей мечети. Поднявшиеся в минарет муэдзины наблюдали издали за тем, как халиф сажался на свой фаэтон, и начали произносить азан. Воины играли марш, а присутствующие стали громко кричать: «Да здравствует падишах!»¹ Прибывший халиф сошел с фаэтона² и снаружи поднялся в свою часть мечети. «Вступив на

¹ *Nurali bin Hasan. Sultan Abdülhamid'in Sarayında Bir Tatar Müderrisin İstanbul Bursa Ve Surre Alayı İle Hac Hatıraları* (1906–1907). S. 105–106.

² Султаны по традиции на пятничное моление выезжали верхом на лошади. Лишь Абдулхамид II из-за болезни и после попытки покушения на него был вынужден изменить традицию

самую последнюю ступеньку, перед входом он обратил взор в сторону собравшихся, — пишет Нургали Хасан, — левой рукой коснулся меча, правую руку положил на правую сторону груди и так вошел в свое отделение»¹. Здесь стоит указать, что султаны не молились непосредственно среди прихожан, они совершали намаз в задней части мечети на месте под названием *хюнкар махфили*, достаточно большом, чтобы вместить три ряда молящихся. Султан молился в левом углу, в самом конце этой секции. Руководил этим намазом специальный имам, которого называли *имам хюнкара*².

После ухода султана в свою секцию приставленный к Нургали-хазрату аскер повел его внутрь мечети и показал ему место как раз напротив палаты халифа. «Не помню, успел ли я закончить сунну (намаз), — пишет Нургали-хазрат, — ко мне подошел темнокожий араб, вывел меня из мечети и повел в отделение, где молился халиф. Сначала я испугался, что выводят меня из мечети из-за какого-то проступка. Когда поднимался по ступенькам, люди, молящиеся около лестницы, обрадовали меня: “Султан оказал вам большую честь. Вы также должны выразить ему благодарность”. Этот араб повел меня в ту часть, где молился шейх-ул-ислам. Приветствуя меня, шейх-ул-ислам сказал: “Султан оказал тебе большой почет и повелел совершить фард (намаз) вместе с шейх-ул-исламом, поговорить лично с ним и присутствовать на ифтаре во дворце”»³.

После намаза Нургали-хазрата повели к воротам мечети, откуда выходил халиф, и поставили на такое место, где халиф не мог не заметить его и не услышать его пожелания о здравии халифа. В итоге он вместе с процессией прибыл во дворец.

Традиционные мероприятия в месяц рамадан: «Занятия хузур» во дворце глазами татарского имама

После ифтара в одном помещении с султаном Нургали-хазрат совершил таравих-намаз между двумя известными шейхами тарикатов рифайя и шазилия — Абуль-Худой и Ибрахимом ибн аз-Зафиром.

и приезжал в мечеть на фаэтоне. Во время пятничных мероприятий случались и нападения на правителя и государственных персон. Например, 10 июля 1792 г. была предпринята неудачная попытка покушения на Селима III в соборе Святой Софии, а 21 июля 1905 г. — на Абдулхамида II в мечети Хамидия.

¹ *Nurali bin Hasan. Sultan Abdülhamid'in Sarayında Bir Tatar Müderrisin İstanbul Bursa Ve Surre Alayı İle Hac Hatıraları (1906–1907). S. 106–107.*

² Более подробно об этом см.: *İşpirli, Mehmet. Osmanlılarda Cuma Selamlığı (Halk-Hükümdar Münasebetleri Açısından Önemi) // Prof.Dr. Bekir Kütükoğlu'na Armağan. İstanbul, 1991. S. 459–471.*

³ *Nurali bin Hasan. Sultan Abdülhamid'in Sarayında Bir Tatar Müderrisin İstanbul Bursa Ve Surre Alayı İle Hac Hatıraları (1906–1907). S. 107–108.*

Подробно описав каждую деталь таравих-намаза, татарский имам восклицает: «Я никогда раньше не видел столь благостного и приятного таравих-намаза!»¹ В последующие дни он участвовал в мероприятии *хузур дерслери*², организуемом во время рамадана два раза в неделю: перед халифом выступали с проповедью и речами известные ученые и религиозные деятели страны. Во время этих занятий халиф непосредственно познакомился с Нургали-хазратом, а тот подарил ему имевшиеся при себе собственные книги³. В рамках мероприятий, посвященных месяцу рамадан, гостя султана повели во дворец Топкапы для посещения Священных реликвий, оставшихся от Пророка⁴, по этому случаю ему даже сшили новую нарядную одежду. Пребывание во дворцах Йылдыз, Топкапы, Долмабахче, поездки по украшенному городу, совместные ифтары и моления воодушевили Нургали-хазрата. Как известно, во время поста в рамадан проведение ифтара было включено в список официальных церемоний Османского государства. Для приезжих в диковинку были некоторые обычаи рамадана, например, на предрассветную трапезу (сахур) жильцов каждого квартала будили ударами в барабаны (порой припевая), а время разговения (ифтар) сообщалось стрельбой из пушки. Нургали-хазрат обратил внимание на обычай использования османами во время рамадана иллюминации под названием *махйа* — гирлянд или лампочек, протянутых между двумя минаретами с надписями «Мархаба йа шахр-и Рамазан» (Здравствуй, месяц Рамадан!) в начале месяца и «Аль-вида йа шахр-и Рамазан». (Прощай, месяц Рамадан!). Как религиозный деятель, он также заметил некоторые особенности совершения таких форм поклонений, как *хатм*, *мукабала*.

¹ Nurali bin Hasan. SultanAbdulhamid'in Sarayında Bir Tatar Muderrisin İstanbul... С. 110.

² «Занятия хузур» (уроки, проводимые в присутствии султана) начались официально в 1759 году и продолжались в течение более 150 лет, оставаясь традицией Османской империи до 1923 года. Эти мероприятия, представлявшие собой важное культурное событие, проводились в месяц рамадан известными учеными в присутствии султана в восьми сессиях и в форме дискуссии по тафсиру Кади Бейзави. Во время правления султана Абдулхамиди II порядок уроков был несколько изменен — если прежде они проводились в первые дни рамадана, то теперь они продолжались весь месяц рамадан два раза в неделю. Местом проведения занятий хузур обычно служили дворцы Долмабахче и Йылдыз. Уроки велись в форме восьми сессий, их участниками были в первую очередь султан, *мукаррир*, ответственный за ведение уроков, а также *мухатаб*, задающий вопросы мукарриру. Среди слушателей находились сыновья султана, визири, шейх-уль-ислам, ведущие государственные деятели и чиновники. Женщины из гарема слушали эти уроки в местах, недоступных для мужчин.

³ Нургали бин Хасан является автором около десятка книг на татарском и арабском языках, а также нескольких статей в газетах «Кояш», «Йолдыз» и др. См. Nurali bin Hasan. Sultan Abdülhamid'in Sarayında Bir Tatar Müderrisin İstanbul Bursa Ve Surre Alayı İle Hac Hatıraları (1906–1907). S. 453–454.

⁴ Большая часть священных реликвий, хранящихся в наши дни во дворце Топкапы в Стамбуле, были привезены султаном Селимом Йавузом после завоевания Египта. Часть реликвий была приобретена позднее различными государственными деятелями; ещё часть была переправлена в Стамбул из Хиджаза, чтобы предотвратить их похищение во время Первой мировой войны. В Отделе священных реликвий дворца Топкапы сегодня хранятся 605 реликвий, другие можно увидеть в отделениях сокровищницы, оружия, тканей и библиотеки того же дворца.

Ежегодные сурра-и хумаюн — дары султанов священным местам

Для совершения хаджжа ему было предложено два варианта пути: через Дамаск вместе с султанским караваном *сурра алайы* (по другому *сурра-и хумаюн*) или морским путем в Джидду, которым следовали обычные паломники. *Суррой* называли деньги и дорогие подарки, ежегодно отправляемые султаном-халифом в Благородную Мекку в сезон паломничества. После того как халифат перешел к Османам, ставшие *хадимом аль-Харамайн аш-шарифайн* (служителями двух святынь) османские султаны стремились завоевать благосклонность Аллаха, направляя многочисленные подарки и тысячи золотых монет для поддержки власти и нуждающихся в Мекке и Медине. Средства, пересланные через сурра-и хумаюн, расходовались на удовлетворение нужд Харамайна. Драгоценные ковры, молитвенные коврики, изысканные люстры, подсвечники, ценные мусхаф-шерифы, позолоченная и серебряная посуда, благовония, специально предназначенные для шерифа Мекки наряды и роскошные кафтаны, мечи с инкрустацией драгоценными камнями — все это, помимо денежных средств, передавалось местным властям, саидам, шерифам, беднякам и суфиям в Мекке и Медине. Также частные лица, пожелавшие отправить дары благословенным городам, передавали свои подношения через сурру. Получившие эти подарки, в свою очередь, через конвой сурры отправляли дарителям воду зам-зам и финики, таким образом, происходил обмен подарками. Самым ценным подарком в сурре считалось изготовленное по приказу султана новое покрывало для Каабы, его торжественная установка, раздача частей старого покрывала по различным мечетям также представляли собой отдельную церемонию¹. Сурра-и хумаюн отправлялся под руководством *эмина сурры*, известного своим благочестием и нравственностью государственного чиновника, вместе с многочисленной свитой и военной охраной. То, что церемония проводилась с участием в процессии самого султана и готовилась во дворце каждый год перед началом сезона паломничества, подтверждает то большое значение, какое придавали османские султаны религиозному долгу совершения хаджжа.

Нургали-хазрат выбрал первый вариант отправления в хаджж — в составе сурра алайы, на дорогу султан выделил ему и прибывшему для поступления на учебу сыну определенную сумму денег, распорядился обеспечить их всем необходимым (прежде всего ихрамом) для хаджжа и подарил им по одной книге *Хизб аль-Бахр* для чтения в случае

¹ См.: *Alıklıç, Dündar*. Osmanlı'da Devlet Protokolü Ve Törenler İmparatorluk Seremonisi. İstanbul: Tarih Düşünce Kitapları, 2004. S. 144–145.

опасности во время путешествия на море. Получив благословение султана и попрощавшись с ним, Нургали-хазрат и сын Гиясетдин в составе сурры с конвоем на пароходе «Базм-и Али» из Ускюдара выдвинулись в путь 10 ноября 1906 года. Нургали-хазрат подробно описывает подготовку, проводы и отправление, маршруты *сурра алайы*, посещение острова Родос, городов Бейрут и Дамаск, встречи с правительственными лицами и крупными учеными, праздник османского санджака (знамени) в Дамаске, выход на верблюдах из города кортежа *махмиль* (огромной корзины с подарками и драгоценностями для Мекки и Медины). В Дамаске сформировались три каравана, идущих в Хиджаз: хорасанский, индийский и дамаский. Далее предстоял нелегкий путь до Медины, за сравнительно короткий срок посещение священных мест города, встреча с земляками в медресе казанских татар, отправление в Мекку, вхождение в ихрам и совершение всех обязательных ритуалов хаджжа, обратный путь в Стамбул — сложный и небезопасный, выражение признательности султану и дарение ему подарков. Затем прощание с халифатом и путь домой через Севастополь, Крым, Москву, Симбирск.

Путевые записки Нургали ибн Хасана сначала были написаны на арабском языке, а затем он выразил свои впечатления от поездки и на родном татарском, переложив их в стихотворные строки. Свои ощущения о днях, проведенных во дворце, он описал так: «Это были самые счастливые дни в моей жизни с того момента, когда мать привела меня на свет!» Проанализировав также паломнические записки таких известных личностей, как Ш. Марджани, Г. Баруди, М. Бигиев, и многих других, можно утверждать, что паломники из Волго-Уральского региона отчетливо демонстрировали, что мусульманские области России никоим образом не являлись периферией исламского мира и что уровень духовной культуры там был весьма высоким. Подтверждением этому служат и слова Абдулхамида II, сказанные при вручении Нургали-хазрату ордена «Османи» первой степени, что эту награду заслужил не только он, а все мусульмане Российской империи.

Заключение

Путешественники, отправлявшиеся из России в Стамбул и затем в Хиджаз, выполняя свои религиозные обязанности, в то же время способствовали сближению и укреплению связей с османским обществом. Пребывание в Стамбуле, городе с уникальным культурным наследием, посещение его святынь имело огромное значение для российских паломников. Положительный эффект от общения и взаимодействия с улемами и местными жителями, которых они встречали во время пребывания в Стамбуле и Хиджазе, обнаруживался несколько позже, после возвращения паломников в Россию.

Литература

Alikılıç, Dünder. Osmanlı'da Devlet Protokolü Ve Törenler İmparatorluk Seremonisi. İstanbul, Tarih Düşünce Kitapları, 2004. 215 s.

Амишов Р. И. Мусульманский богослов Нурғали Хасанов: биография. Казань: Изд-во ПФ «ГАРТ», 2022. 44 с.

İşpirli, Mehmet. Osmanlılarda Cuma Selamlığı (Halk-Hükümdar Münasebetleri Açısından Önemi) // Prof. Dr. Bekir Kütükoğlu'na Armağan. İstanbul 1991. S. 459–471.

Nurali bin Hasan. Sultan Abdülhamid'in Sarayında Bir Tatar Müderrisin İstanbul Bursa Ve Surre Alayı İle Hac Hatıraları (1906–1907). Arapçadan Tercüme: Ömer Hakan Özalp. İstanbul: İşaret Yayınları, 2021. 486 s.

Сибгатуллина А. Т. Контакты тюрк-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 264 с.

References

Alikılıç, Dünder (2004). *Osmanlı'da Devlet Protokolü Ve Törenler İmparatorluk Seremonisi*. İstanbul, Tarih Düşünce Kitapları. 215 p.

Amishov R. I. (2022). *Musul'manskij bogoslov Nurgali Hasanov: biografiya* [The Muslim Theologian Nurgali Hassanov: a Biography]. Kazan: GART. 44 p.

İşpirli, Mehmet (1991). Osmanlılarda Cuma Selamlığı (Halk-Hükümdar Münasebetleri Açısından Önemi). *Prof.Dr. Bekir Kütükoğlu'na Armağan*. İstanbul. S. 459–471.

Ömer Hakan Özalp (Ed.) (2021). *Nurali bin Hasan. Sultan Abdülhamid'in Sarayında Bir Tatar Müderrisin İstanbul Bursa Ve Surre Alayı İle Hac Hatıraları (1906–1907). Arapçadan Tercüme*. İstanbul: İşaret Yayınları. 486 p.

Sibgatullina A. T. (2010). *Kontakty tyurok-musul'man Rossijskoj i Osmanskoj imperij na rubezhe XIX–XX vv.* [Contacts of Turkic Muslims of Russian and Ottoman Empire ca. 1900]. Moscow: IV RAN. 264 s.

THE SULTAN'S GUEST: ISTANBUL AS PART OF THE MUSLIM PILGRIMAGE ROUTE FROM RUSSIA

Abstract: In the second half of the 19th- early 20th century, many Russian Muslims pilgrims, on their way to Mecca and Medina, would stop in the capital of the caliphate, Istanbul. The city had by then become part of the pilgrimage route. In Istanbul, pilgrims could visit the graves of the Prophet's companions, see sacred Islamic relics, pray in mosques alongside the caliph of all Muslims, and immerse themselves in the religious traditions of the Ottoman Empire. Additionally, pilgrims could participate in the processions of the sultan's caravan known as *surra-i humayun*, and some were even fortunate enough to join it on the journey to Hajj. One such fortunate individual was the Tatar *imam* Nurgali bin Hasan (1852–1919), who was a guest at the sultan's palace and embarked on a journey to the Hijaz as part of the sultan's caravan.

Keywords: Ottoman Empire, Istanbul, pilgrimage from Russia, Sultan-Caliph, *surra-i humayun*.

Al'fina T. SIBGATULLINA,

Dr. Sci. (Philol.), leading researcher, Institute of Oriental
Studies of the Russian Academy of Sciences
(12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation).
E-mail: alfina2003@yandex.ru

